

Брусиловская О. И.
(Одесса, Украина)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

Послевоенный период истории восточноевропейских обществ, особенно период с 60-70-х гг., полон борьбы ветшающих коммунистических режимов с диссидентскими движениями, которые, хотя и не были никогда сколько-нибудь широкими, отражали существенные подвижки в массовом сознании восточноевропейцев. Постоянные экономические неурядицы постепенно приближали эти государства к грани глубокого системного кризиса. Его начало в литературе обычно датируется началом 80-х гг.

Именно тогда происходят коренные изменения не только в социально-экономической, но и в политической и духовной сфере жизни общества, изменения, подготовившие антикоммунистические революции 1989 г.

В ходе преобразований конца 80-х – начала 90-х гг. постепенно выкристаллизовывается один из новых и в то же время вечных вопросов человеческого бытия: Кто мы? Куда идем?

Фактически с самого начала в ходе подготовки, проведения революций и последующей трансформации восточноевропейских обществ определилась в качестве ведущей дихотомия *национальное – европейское*, возникли проекты национальной и поднациональной (европейской) идентичности, в рамки которых можно уложить всю этнополитическую и национально-культурную борьбу в новых, посткоммунистических (трансзитивных) обществах.

Не секрет, что наиболее активное участие в революциях приняли представители интеллигенции (исключение представляет лишь уникальный польский опыт с рабочим профсоюзом «Солидарность»), которые на протяжении десятилетий формировали в сознании обывателей образ богатой во всех отношениях (включая, разумеется, духовную сферу) Европы, идеал, к которому восточноевропейцы должны стремиться. Должны, хотя бы в силу своего исторического родства с Большой Европой, от которой они были насильственно оторваны после Второй мировой войны. Таким образом, лозунг, который использовали диссиденты накануне 1989 г., звучал просто и понятно: на Запад! И чем хуже выглядела ситуация в родной стране, тем больше надежд возлагали граждане на грядущее воссоединение.

Однако дальнейшая история поисков новой идентичности в Восточной Европе приобрела парадоксальное звучание как в силу объективных, так и субъективных причин. Давно известно, что революцию делают романтики, но ее плодами пользуются совсем другие люди. Возможно, Вацлав Гавел и может быть по праву назван рыцарем, доблестно сражающимся за прекрасную западную систему либерально-демократических ценностей. Но, как показала та же чехословацкая практика, ему не удалось в одиночку справиться с ночным кошмаром ультранационализма, и Чехословакия перестала существовать – к вящему удовольствию как чешской, так и словацкой политических элит.

Если же с вершин власти спуститься вниз, то еще очевиднее становится факт, что идейный вакуум, образовавшийся после падения коммунизма, стал быстро заполняться националистическими учениями самого различного толка. В обстановке традиционной

для данного региона ксенофобии (в особенности юдо- и ромофобии) националисты легко заняли свое место на политической верхушке новых обществ.

Старые добрые национально-исторические ценности были возвращены на законное (довоенное) место. Национальные праздники сменили социалистические торжества, журналисты провели атаку на историческую науку, доказывая необходимость скорейшего исправления прошлых ошибок. Вскоре прошла реабилитация Армии Крайовой, усташей, четников, вождей (И. Антонеску, Ю. Пилсудского); а затем началось повальное увлечение историей монархии и особенно ее романтического межвоенного периода. Ожили мечты о Великой Польше, Великой Венгрии, Великой Румынии, Великой Болгарии, даже Великой Албании. Территориоцентризм и усилившаяся русофобия не могли привнести ничего позитивного в практику межгосударственного общения. Однако до поры это оставалось за рамками внимания большинства западных аналитиков. С годами же стало ясно, что восточноевропейский национализм противостоит не только коммунистической, марксистской идеологии, но и идее либеральной демократии. Таким образом, национализм превратился в одно из существенных препятствий на пути к единой Европе. Относительно самой стратегической цели вхождения в ЕС и другие общеевропейские структуры мнения элиты и граждан совпали. На сегодня – это единственный способ избежать прозябания на периферии мировой экономики. Лозунг возврата в Европу имеет весьма существенный базис: заинтересованность в помощи ЕС в преодолении своей экономической отсталости, понимание того, что никто другой не в состоянии гарантировать им безопасность и развитие в условиях глобализации.

Именно поэтому с конца 90-х гг. увеличивается интерес и внутри стран, и за рубежом к проблемам, связанным с поисками восточноевропейцами новой идентичности. Учитывая присущие восточноевропейцам стихийный анархизм и одновременно любовь к сильной руке, понятия, в цивилизованном (читай: европейском) обществе несовместимые, западные исследователи смогли найти единственно возможный выход: предложили наполнить национализм гражданским обществом (Майкл Кеннеди). Такие попытки уже были в 19 в.: поляки и чехи, живя в рамках многонациональных империй, были национально организованы на базе разнообразных культурных, образовательных или религиозных организаций. Это сыграло решающую роль в сохранении их национальной идентичности. Однако сегодня идея гражданского общества, базовая для понимания западной системы ценностей, с трудом приживается на новой почве.

Это относится и к идее демократии как таковой, знакомство с которой в ряде стран происходит впервые (ведь исторический опыт демократического правления имеет только межвоенная Чехословакия). В течение прошедшего десятилетия стало ясно, что восточноевропейцы взяли из нее прежде всего самое плохое: деструктивные формы самой демократии (популизм, социальную демагогию).

Несмотря на все вышеизложенное, ситуация в Восточной Европе существенно отличается от той, что сложилась на постсоветском пространстве. И не только в силу большей заинтересованности в данном регионе со стороны ЕС и НАТО, воспринимающих Восточную Европу как часть западной цивилизации, но и в связи с реальными отличиями восточноевропейской ментальности от украинской или же российской. На протяжении всего периода реформ в регионе наблюдается устойчивая политическая активность граждан

не только во время предвыборных кампаний, но и в процессе создания эффективной многопартийной системы, в процессе децентрализации и деконцентрации власти, развития и усовершенствования местного самоуправления. Чрезвычайно важным достижением является также осознанность политики, проводимой государством. Это свидетельствует о высокой степени политической грамотности населения в целом, являющейся определенным гарантом его продвижения по пути демократизации и либерализации общества.

Таким образом, если идея возрождения европейской идентичности в Восточной Европе и была мифом, пришедшим на смену старым мифам советской эпохи, она уже сыграла свою позитивную роль в процессе модернизации сознания народов Восточной Европы, внедрения идеи жизненной необходимости развивать демократические традиции Запада изнутри.

С другой стороны, несомненную актуальность в дальнейшем будет сохранять проблема реализации проекта европейской идентичности и связанные с ней опасности. Для восточноевропейцев это – реальная опасность потерять лицо в Большой Европе, однако и для Западной Европы существует опасность истернизации, т.е. обратного влияния восточной ментальности. Несомненно одно: единственная просматриваемая сегодня основа создания европейской идентичности – это ее исключительность и связанное с этим неприятие, отторжение иного на всех уровнях межнационального общения.

Поступило в редакцию 14.03.2002 г.

Король О.Ф.

(Евпатория, Украина)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема социальной идентичности – одна из фундаментальных и имеет солидную традицию изучения в социальной психологии. Социальная природа человека такова, что, с одной стороны, он стремится к включению в общность (социум), а с другой, – к выделению из социума в качестве индивидуальности. «Социальная идентичность есть осознание своей принадлежности к различным социальным общностям – таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, ... человечество в целом» [6, с.590].

Широкая теоретическая разработка проблемы представлена в работах У.Джемса (два аспекта идентичности), Ч. Кули (теория зеркального Я), Г.Мида (становление личности во взаимодействии с другими), Р.Бернса (Я – концепция), Э.Эриксона и других. В социальной психологии теоретическое осмысление дано в трудах А.Тэшфела (теория социальной идентичности), Дж Тернера (теория самокатегоризации), Е.И. Головахи, А.А.Корник, С.Л.Рубинштейна, В.А.Ядова и других.

Многочисленные эксперименты, проводимые в русле концепции социальной идентичности, показали, что при некоторых условиях поведение индивидов менялось в пользу группы, в которую они входили. Главный вывод, который вытекает из богатого эмпирического материала, можно выразить следующим образом: индивид ощущает свою принадлежность к определенной социальной группе тогда, когда категоризирует (сопоставляет) себя и группу по какому-либо признаку.

Поэтому, на наш взгляд, проблема социальной идентичности может быть рассмотрена